

Фаина РАНЕВСКАЯ:

АКТЕР ВЕСЬ В СУДЬБЕ ГЕРОЯ

Настоящего интервью не получилось. На некоторые вопросы Фаина Георгиевна Раневская захотела ответить письменно — и ответила; некоторые ее не заинтересовали, но главная «помеха» была в том, что она постоянно отвлекалась. Вернее, увлеклась, если разговор вдруг касался того, что было ей интересно или дорого. Была непредсказуема — как на сцене, где никогда нельзя угадать ход ее роли, настолько каждый раз она кажется новым и неожиданным. Даже в фильмах кажется, где, как известно, все закреплено на пленку раз и навсегда. И все-таки все, да не все. Недавно по ТВ в честь юбилея Эраста Гарина шла «Свадьба», и сколько же эпизодов этой старой картины вызвали радостное любопытство! Совсем новое — будто никогда раньше их не доводилось смотреть.

О «Свадьбе» речь зашла, и Раневская сказала, что «ни разу не улыбулась, когда читала пьесу. «Свадьба» — личная трагедия Чехова: он страдал, встречая пошлость и мещанство». Тому, что Раневская не улыбулась, можно поверить, глядя, как она играет: с какой безразличностью, с каким остервенением. Даже улыбка ее героини

ни — и та ядовита, и льстит она противно, а уж скандалит!.. Нет, скандалит артистически и с размахом — тут ее стихия и стихия актриса не укрощает. Не только в этой роли — вообще не укрощает и находит ее в любом человеке, прекрасном или ничтожном. Проходных, незначущих состояний души она не берет; берет пределы и свое отношение тоже выражает с предельной откровенностью. Не оттого ли все ее люди запоминаются, а роли кажутся большими даже тогда, когда занимают минимум времени?

Тут, пожалуй, одна из отгадок вопроса, который мысленно себе иногда задаешь: отчетливо актриса Раневская так любима? Не популярна — у популярности другая стойкость, но чтима? В кино она давно не снимается, на телеэкране показывается редко (разве что в одной-двух старых передачах), и много ли народу имеет возможность увидеть ее в театре, но поди ж ты! Пишут и пишут, и письма серьезные, откровенные, не одноразовые. На все она старается ответить, и это вызывает желание снова написать, чем-то за внимание и просто за самый факт ее существования отблагодарить.

Есть немало вещественных — неожиданных и трогательных — доказательств этого желания. Мы имеем в виду фотографии, которые Раневской присылают и у которых один сюжет: собаки. Не знаем, каким путем стало известно, что она любит животных, но секрет перестал быть секретом, и симпатичные морды четвероногих во множестве украшают стены ее комнаты.

Вот уж поистине стены, которые не молчат! Даже если не знать, к кому попал в го-

сти, они откроют, как тебе повезло. Увидишь фотографию Д. Д. Шостаковича и прочтешь: «Фаине Георгиевне Раневской — с глубоким восхищением»; Б. Л. Пастернак напишет: «Самому искусству — Раневской» и будут фотографии В. И. Качалова с нежными надписями, и М. И. Бабановой, и В. Анджапаридзе, и совсем молоденькой А. Г. Конон и многих других, столь же славных. Фотографии А. А. Ахматовой датированы разными годами, но слово «друг» на всех будет неизменным.

— Как вы познакомились, Фаина Георгиевна? Когда?

— Очень давно. Я тогда еще жила в Таганроге, прочла ее стихи и поехала в Петербург — знакомиться. Долго гуляла около дома, потом долго стояла около двери, наконец, позвонила, и открыла мне сама Анна Андреевна. Помню весь ее облик: она была нездоровая и вышла в длинном темном халате. Я, кажется, сказала: «Вы — мой поэт», — и извинилась за нахальство. Она пригласила меня в комнаты — и дарила меня дружбой до конца своих дней.

Портрет С. Рихтера с надписью «Великой Фаине с любовью» вызвал реплику: «Я не ждала этого подарка, но когда получила — начала в себя верить». Тема веры и неверия в свои силы возникала в наших разговорах не раз. Мне было трудно представить, что можно до такой степени быть недовольной собой, а Раневской трудно вообразить, что это вызывает что-то недоумение. Както она вполне серьезно сказала: «Разве я большой талант? Среднее дарование», а потом, отвечая на вопрос о психоло-

гии актера, как бы подтвердила сказанное, сославшись при этом не на себя, а на В. И. Качалова.

— Судьба одарила меня дружбой Василия Ивановича. Он несколько не был в себя влюблен и сердился, что я не говорила ему «ты». «Я что, такой старей?» «Не старей, а великий, великому не скажешь «ты». «Фаина, зачем ты повторяешь эту глупость?»

— Он был искренен? (Спрашиваю для профформы: по воспоминаниям многих знаю, что было так).

— Он был чист, как младенец. И необыкновенно добр. Помогал людям и не хотел, чтобы знали, от кого пришла помощь. Однажды я была его курьером: отнесла большую сумму старому актеру, с которым Качалов начинал в Казани.

Талант — не радость; счастья посредственность — она всегда довольна собой. Я была знакома с дочерью М. Н. Ермоловой, и она мне рассказывала, что после очередного триумфа Мария Николаевна могла не спать всю ночь, оттого что думала, что накануне плохо играла.

— Извините за фамильярность, но вы, Фаина Георгиевна, самоед.

— Я видела таких прекрасных актеров. Я могу сравнить.

На той же красноречивой стене — портрет Станиславского в роли генерала Крутицкого в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты». Под портретом рукой Раневской написано: «До смертного часа буду помнить и потираюсь этим его Крутицким». — Вы ценили Станиславского-актера?

— На сцене он был бог. Ни с кем его не сравниваю. Даже с Качаловым, даже с Михаилом Чеховым. И Лилина была великолепной актрисой: изящной, женственной, красивой, умной. (Фотография Лилиной в доме, конечно же, есть — в роли Хромоножки из «Бесов», и в моем блокноте есть парадоксальное, но чрезвычайно «раневское» утверждение: «Только вот Станиславский ходу ей не давал». (Напомню, что Станиславский был мужем М. П. Лилиной, но был к ней строг так же, как к остальным «художественникам»).

— Можно научиться быть актером?

— Научиться нельзя. Можно развить свое дарование, научиться говорить, изъясняться, но потрясать — нет. Для этого надо родиться с природой актера, в которой главное — вера. До выхода на сцену я — Раневская, на сцене — человек, жизнью которого живу. Не понимаю и не люблю слова «играть»: актер весь в судьбе героя.

Думаю, что я застенчива; правда, в молодости была понахальнее. На сцене же стеснительность меня оставляет: она есть до и после спектакля.

— Забываетесь вы в роли?

— Сумасшедшие только забываются; забудешься — и парик с себя сорвешь. Состояние двойственное, если говорить серьезно. Забываю себя, но и неотлучно слежу за собой, чтобы не «соскочить» с главного.

— Как же совместить импровизацию с самоконтролем?

— Я знаю, кого буду играть, а как — не знаю. Нужна основа, нужна задача — тогда можно импровизировать. Немыслимо одинаково сыграть даже де-

сят спектаклей, не то что сто.

— Тяжелая профессия? — Ужасная. Ни с чем не сравнимая. Вечное недовольство собой — смолоду и даже тогда, когда приходит успех. Не оставляет мысль: а вдруг зритель хлопает из вежливости или оттого, что мало понимает? — А если не быть актрисой — кем быть?

— Археологом. (Ответ последовал незамедлительно.) Только археологом.

— Почему? — Очень интересно знать, что создавали люди тысячу лет назад. В этом открывается большой смысл: в памяти, которая не исчезает и которую одни сохраняют для других. Прошедшее меня волнует.

Нередко бывает так; вам что-то про себя говорят, но слова существуют отдельно, а человек — отдельно. С Раневской — наоборот: все сказанное подтверждается тут же, словно подстроено. Вот и сейчас: сидим около стола, а на столе открытый том «Переписка Пушкина» и рядом второй. Тут же Маяковский, сборник Поля Элюара на французском языке и «Легенда о докторе Фаусте». Последняя — из серии «Памятники мировой литературы».

Если в этом доме что-то и есть, то книги, читанные книги. На полках они стоят не шеренгой, не чинно, на большом круглом столе сгрудились во множестве, вперемежку с альбомами по искусству, и вообще — стоит только появиться чему-то значительному из мемуаров, литературных изысканий, публикаций, как книжка эта рано или поздно очутится у Раневской.

— Фаина Георгиевна, отчего вы сами не пишете? Вы столь-

ко знаете, сколько видели... (Задаю вопрос неспроста: афоризмы Раневской в театральном и не только театральном мире более чем известны, и меткие словечки известны, и написанные ею не от своего лица шуточные письма — литература, так отчего же не писать?)

— Театральное общество просило меня об этом, я начала, но все написанное порвала. Не могу рассказывать о себе. О других — не имею права, не ления, а не только человека. Человек может выглядеть вполне rispetабельно, вполне современно, но коль скоро он спекулирует, в душе его, как в душе героини Раневской будет жить и ачность, и страх, и изворотливость. Под любой личиной, но они будут существовать.

— Доверию впечатлению от первого чтения пьесы; иногда это впечатление предопределяет все дальнейшее. Иногда образ возникает от внешнего представления, но внешнее всегда служит выражением внутренней сути. Они должны совпасть.

— Неожиданно. Больше чем в любой другой. Актёр зависим. Выбрать роли ему не дано. Я сыграла сотую долю того, что могла бы.

— Есть роли, к которым вы относитесь по-особому?

— Я не придаю большого значения тому, что сделала в театре и кино. Люблю играть эпизод — он в состоянии выражает больше, нежели иная многословная роль. Два моих самых любимых эпизода по характеру противоположны. Я имею в виду спекулянтку из «Шторма» и тапершу из фильма об Александре Пархоменко. «Нет маленьких ролей» — это сказано удивительно точно.

— Каков путь к ролям? Разный в разных случаях или в подходе есть общее? И что служит «материалом» образа? — Материалом служит и свое, и чужое. Черты роли беру от всех окружающих — знакомых,

незнакомых и воображаемых. Когда играла в «Шторме», приписала к тексту свои слова. В 20-х годах жила трудно, на базаре меняла вещи на продукты и видела, и слышала там много любопытного. Это мне помогло. Если же лицо пьесы непонятно и неизвестно по жизни, работа идет труднее.

Для тех, кто «Шторм» не смотрел, необходимо коротенькое добавление. В спекулянтке разгадан и явлен тип: тип явления, а не только человека. Человек может выглядеть вполне respectable, вполне современно, но коль скоро он спекулирует, в душе его, как в душе героини Раневской будет жить и ачность, и страх, и изворотливость. Под любой личиной, но они будут существовать.

— Доверию впечатлению от первого чтения пьесы; иногда это впечатление предопределяет все дальнейшее. Иногда образ возникает от внешнего представления, но внешнее всегда служит выражением внутренней сути. Они должны совпасть.

Жест и мимика появляются с рождением человека — роли, работа же над ролью продолжается до тех пор, пока пьеса не сойдет со сцены. А работают актеры всегда и везде. Я вонзаюсь в того, кого изображаю.

— Кого бы вы назвали мастером?

— Того, кто понимает, для чего и для кого он на сцене.

— «Для кого» — это для публики?

— Для народа.

— Когда возник этот взгляд на профессию?

— Сразу такое не приходит, приходит с годами. А вначале была только радость.

Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА г. Москва 15 МАР 1983